

Хотя Лу Тинфэн вернулся на работу, эти двое не могли друг без друга и каждый вечер общались по видеосвязи. Экран телефона мягко светился в полумраке гостиничного номера, отбрасывая на уставшее лицо Хэ Яна голубоватые блики, и его осунувшиеся после долгого съёмочного дня черты озарялись тёплой, почти детской улыбкой. Иногда в кадр с громким топотом и визгом врвался Сюаньсюань — маленькая взъерошенная головка, сияющие, как звёздочки, глазёнки, — и кричал в объектив звонким, захлёбывающимся голосом: «Папа! Папа!», а его пухлые пальчики тянулись к экрану, словно пытаясь дотронуться до родного лица.

Это «папа», такое родное и невыносимо далёкое, заставляло сердце Хэ Яна щемить где-то глубоко внутри, под рёбрами, разливаясь тёплой, щекочущей болью. Он уже почти месяц не видел ребёнка, не вдыхал сладкий, молочный запах его волос, не чувствовал под своими губами нежное тепло пухлых щёчек, покрытых лёгким, как пушок, румянцем. Ему до дрожи в пальцах хотелось погладить его, расцеловать, прижать к себе и никогда больше не отпускать.

Лу Тинфэн, казалось, прочитал его мысли — взгляд Хэ Яна стал слишком тоскливым, влажным, — и осторожно начал:

— Жена, может, я... — Лу Тинфэн замялся, потирая затылок и глядя куда-то в сторону, словно собирался с духом перед прыжком в ледяную воду.

— Нет, — отрезал Хэ Ян, даже не дав договорить, и скрестил руки на груди так, что хрустнули локти.

— Я же ещё ничего не сказал! — Лу Тинфэн надулся, и его пухлые губы обиженно поджались, а брови сошлись на переносице.

— Оставь свои хитрости, — Хэ Ян покачал головой, но уголки его губ дрогнули. — Думаешь, я не знаю, что ты задумал? Здесь глухие горы, дикие леса, зачем везти сюда ребёнка? К тому же ты всего несколько дней как вернулся. Компанию забросил? Сяо Сюй там, наверное, уже волком воет.

— Но я скучаю по тебе! — голос Лу Тинфэна прозвучал так жалобно, так по-детски, что Хэ Ян снова растаял.

— Муж мой, — прошептал он, приближая лицо к экрану, — поцелуй, чмок...

Они целовали экраны, и Хэ Ян слышал тихий, щекочущий ухо шорох губ мужа о стекло, а Сюаньсюань, увидев это, тоже придвинул свою маленькую головку, зажмурился от усердия и принялся целовать экран, оставляя на нём влажные, тёплые следы и пуская слюни. Камера запотела от его горячего дыхания, и по экрану расплылось мутное, смешное пятно.

Хэ Ян услышал вопль Лу Тинфэна, полный притворного ужаса и искреннего отвращения:

— Лу Хаосюань, твои слюни... они везде! Везде, я сказал! — и в голосе его слышалось такое

неподдельное страдание, что Хэ Ян не выдержал и рассмеялся.

Когда съёмки Хэ Яна подходили к концу, в прокат вышел его первый фильм, где он сыграл небольшую, но яркую роль. В огромном, погружённом во тьму кинозале пахло горячим, маслянистым попкорном, приторной сладкой ватой и едва уловимо — пылью от бархатных кресел, а на огромном экране под торжественную музыку мелькали титры, отбрасывая на лица зрителей белые блики.

К счастью, после премьеры большинство зрителей в Сети хорошо отзывались о его персонаже: в глазах была игра, глубина, лицо не было «каменным», и в целом он неплохо справился. Комментарии пестрели похвалами, и Хэ Ян, читая их по вечерам, чувствовал, как в груди разливается тёплое, забытое чувство.

А господин Леопард, чтобы поддержать жену в её первом фильме, выкупил несколько залов и заставил всех родных и друзей, включая Сюаньсюаня, пойти на просмотр. Залы были забиты до отказа, и в воздухе витал гул голосов, смешанный с запахом попкорна и сладкой ваты.

Вечером того же дня Лу Тинфэн снова собрал компанию друзей в отдельном кабинете ресторана. В комнате стоял густой, душный запах — дорогого красного вина, терпкого сигарного дыма, жареного мяса с чесноком и пряными травами, — а за большим, запотевшим от холода окном шумел ночной город, переливаясь тысячами неоновых огней. Слышался приглушённый, мелодичный звон бокалов, сухой стук приборов о фарфор, и где-то в углу, едва пробиваясь сквозь гул голосов, тихо играла саксофонная музыка. Он сидел во главе стола, раскрасневшийся, с влажно блестящими глазами, и говорил без остановки, то и дело размахивая бокалом, так что вино плескалось о тонкие стенки, оставляя на скатерти тёмные капли.

Но на самом деле все они пришли слушать его бесконечные признания в любви. «Моя жена» то, «моя жена» сё — слушая это, гости вяло ковырялись в тарелках и теряли аппетит. Их просто закармливали «собачьим кормом», и некоторые уже демонстративно закатывали глаза, переглядываясь между собой. Чэнь Инань тоже был там. Он сидел в углу, потягивая виски и задумчиво глядя на лёд в бокале, а на губах его играла лёгкая, чуть грустная улыбка.

Благодаря стараниям Кэ Цзюньцзе братья восстановили прежние отношения. Чэнь Инань не скрывал, что ему нравился Хэ Ян, но он знал, что на жену брата покушаться нельзя, и имел твёрдые моральные принципы. Иначе он бы не уговаривал тогда Лу Тинфэна быть добрее к Хэ Яну.

Лу Тинфэн обнял брата — крепко, по-мужски, хлопнув по спине, — и сказал: что было, то прошло. Сейчас он счастлив, и им всем вместе хорошо — этого достаточно.

Слушая, как Лу Тинфэн то и дело говорит о Хэ Яне, с каким теплом и гордостью произносит его имя, Чэнь Инань испытывал искреннюю радость. «Он счастлив. И этого довольно», — думал он, делая глоток, и холодная, обжигающая горло жидкость приятно контрастировала с теплом, разливавшимся в груди.

— Эй, подожди, Тинфэн, ты что, заначку припрятал? — Чэнь Инань, любитель подлить масла в огонь, вставил словечко и хитро прищурился.

— Тсс! — Лу Тинфэн приложил палец к губам, и звук получился громче, чем он хотел, а потом испуганно оглянулся, словно боялся, что Хэ Ян может появиться из-за угла. Даже тяжёлую бархатную занавеску отдёргнул, проверяя, нет ли там кого, и кольца с тихим, металлическим шорохом проехали по карнизу.

Было видно, что он уже изрядно выпил — щёки пылали нездоровым румянцем, глаза блестели влажно и расфокусированно, а движения стали размашистыми и чуть неуклюжими.

— Только не говори жене, — он понизил голос до заговорщического шёпота и наклонился над столом, так что друзьям пришлось придвинуться ближе. — Я на эти деньги хочу купить экипировку. Новый шлем, перчатки, может, куртку... У меня уже и модель присмотрена.

— Да ладно, ты что, снова хочешь гонять? — Кэ Цзюньцзе удивлённо приподнял бровь и отставил бокал.

Гонки в глазах парней, конечно, крутое занятие, но не для женатого человека. А уж тем более для того, чья жена держит его в ежовых рукавицах. Если бы Хэ Ян узнал, что Лу Тинфэн участвует в гонках — а это опасный спорт, — то дело, скорее всего, не ограничилось бы недельным сном на диване. «Он меня убьёт. Медленно и мучительно», — подумал Лу Тинфэн.

— Я просто думаю об этом, не участвую, — он вздохнул и провёл ладонью по лицу, словно отгоняя наваждение.

— Даже думать не смей. Если невестка узнает, тебе несдобровать. — Кэ Цзюньцзе выразительно посмотрел на него.

— Знаю, просто руки чешутся, давно мотоцикл в руках не держал. — Лу Тинфэн сжал и разжал кулаки, глядя на свои ладони. — Скучаю по этому чувству — ветер в лицо, рёв мотора, адреналин в крови... Помнишь, как мы гоняли по ночному шоссе?

— Подумаешь, завтра я с тобой прокачусь, — предложил Чэнь Инань, откидываясь на спинку стула и лениво покручивая бокал в пальцах.

— Нет, мне с сыном сидеть. — Лу Тинфэн покачал головой.

— Так бери сына с собой! — Чэнь Инань усмехнулся и подался вперёд. — Малой ещё маленький, не нажалуется же маме. Что он там понимает? Посадишь его в коляску или на бак — он только рад будет.

«Нажалуется? Да он расскажет всё в красках!» — как показало будущее, Чэнь Инань

ошибался. И очень сильно.

Лу Тинфэн переоделся в чёрный мотоциклетный костюм — кожа скрипела при каждом движении, пахло новой экипировкой, а маленького Сюаньсюаня тоже нарядил невероятно круто: чёрная кожаная курточка, брюки цвета хаки, короткие сапожки и чёрные очки. Рядом с папой он выглядел сногшибательно, как маленький байкер из рекламы.

Сидя на крутом мотоцикле, обдуваемый прохладным ветром, ощущая скорость и восторг, Сюаньсюань открывал для себя новые грани жизни. Ветер трепал его волосы, выбивавшиеся из-под шлема, а глаза за стёклами очков сияли от счастья.

Когда они приехали на тренировочную трассу, в воздухе пахло бензином, разогретым асфальтом и пылью. Где-то вдалеке ревели моторы, и этот звук эхом разносился по округе. Друзья уже ждали их, лениво облокотившись на мотоциклы и лениво перебрасываясь фразами, но, увидев Сюаньсюаня, все разом замолчали и уставились на него, открыв рты. Такого милого и очаровательного кроху они ещё не видели.

— Здравствуйте, братцы! — нежный молочный голосок Сюаньсюаня, чуть приглушённый шлемом, мгновенно растопил сердца суровых мужчин.

«Как можно быть таким милым? Я хочу себе такого же!» — пронеслось в голове у каждого.

Казалось, они пришли не столько тренироваться, сколько фотографироваться. Мотоциклы сиротливо стояли в стороне, а взрослые мужики по очереди фотографировались с Сюаньсюанем, мечтая забрать его себе и не выпускать из объятий. Кто-то подбрасывал его в воздух, кто-то качал на руках, и малыш заливался счастливым смехом.

Лу Тинфэн не выдержал и всплеснул руками:

— Эй, вы пришли со мной тренироваться или фоткаться? Я вообще-то тоже здесь! Ау!

Никто не обратил на него внимания, даже головы не повернули. Лу Тинфэн стоял в стороне, скрестив руки на груди, и ждал, когда же кто-нибудь вспомнит о его существовании. Минута, две, три — ноль реакции. Он кашлянул — ноль реакции. Он громко вздохнул — ноль реакции. Лу Тинфэн вдруг почувствовал себя невидимкой, словно его и не было. «Ну вот, опять», — подумал он. И это чувство он испытывал не впервые.

Раньше, куда бы он ни пошёл, он был в центре внимания — властный, красивый, богатый. Люди оборачивались ему вслед, девушки вздыхали, мужчины завидовали. А теперь, куда бы он ни пошёл, он словно мальчик на побегушках, который таскает сумки и открывает двери. «И когда всё пошло не так?» — спрашивал он себя, но ответ был очевиден: когда он влюбился.

Теперь, когда они возвращались в старый дом, все выбегали встречать Хэ Яна, обожая его наперебой. Ему несли мягкие, тёплые тапочки, свежесваренный чай с жасмином, от которого

поднимался тонкий, цветочный пар, домашние угощения, расспрашивали о здоровье, о настроении, о съёмках, заглядывая в глаза. А сам Лу Тинфэн плёлся сзади с тяжёлыми, шуршащими сумками и коробками, и никто даже не спрашивал, как у него дела. Он мог стоять в дверях хоть час, чувствуя, как ноют руки и затекает спина, — никто не замечал. «И это мой дом? Моя семья? — думал он, оглядывая эту идиллию, и в горле стоял горький комок. — Я здесь вообще кто? Швейцар? Носильщик?» Но ответа не было.

Потом он повёз Хэ Яна в дом бабушки. Старый дом встретил их густым, многослойным запахом — сухого, нагретого солнцем дерева, пыльных пучков сушёных трав, развешанных по стенам, старой, пахнущей воском мебели и чем-то ещё, неуловимо родным, идущим из самого детства. Половицы мягко, по-стариковски поскрипывали под ногами, в углу мерно, с тихим, убаюкивающим щелчком тикали старинные часы, на подоконнике, поджав лапы, грелась пушистая кошка, и в воздухе витал тёплый, дрожжевой запах свежееиспечённого хлеба. Бабушка, сухонькая старушка с живыми, острыми, как у птицы, глазами, была очень довольна невесткой, а уж после того, как Хэ Ян родил такого красивого малыша, и вовсе души в нём не чаяла. Она то и дело гладила его по руке своей сухой, тёплой, чуть шершавой ладонью и приговаривала: «Хороший, хороший. Настоящее сокровище. Не то что некоторые», — и при этих словах её острый взгляд на мгновение останавливался на Лу Тинфэне.

Пять дней, что они гостили у бабушки, Лу Тинфэн пять дней прислуживал Хэ Яну, не отходя ни на шаг. Бабушка не хотела, чтобы невестка готовила, и заставляла Лу Тинфэна учиться стряпать на кухне. Он стоял у раскалённой плиты, обливаясь солёным потом, который щипал глаза, а бабушка сидела рядом на табурете и командовала зычным, не терпящим возражений голосом: «Соль! Мало! Пересолил, всё сначала! Ты что, даже яичницу пожарить не можешь? Какой же ты муж?» — и от её резкого окрика он вздрагивал, чувствуя себя нашкодившим школьником.

Не хотела, чтобы невестка занималась домашними делами, и заставляла Лу Тинфэна стирать руками, мыть полы, протирать окна... Спина ныла, руки гудели, но он не смел ослушаться. А бабушка ещё и проверяла: проведёт пальцем по подоконнику, нахмурится — и заставляет перемывать.

Не хотела, чтобы невестка чувствовала себя неуверенно, и велела Лу Тинфэну переписать всё имущество на имя Хэ Яна. К счастью, он давно уже передал бразды правления финансами, иначе снова получил бы нагоняй и долгую лекцию о том, каким должен быть настоящий муж.

Хэ Ян не выпался — виноват Лу Тинфэн. Хэ Ян похудел — виноват Лу Тинфэн. У Хэ Яна плохое настроение — снова виноват Лу Тинфэн. Хэ Ян просто тихо вздохнул, глядя в окно, — и в этом виноват Лу Тинфэн.

«Что ж, выходит, даже если у Хэ Яна волос упадёт, это моя вина!» — думал он, но вслух, конечно, ничего не говорил.

Сюаньсюань был маленьким императором, которого носили на руках и задаривали подарками. Ему покупали всё, на что он только указывал пухлым пальчиком, исполняли любой каприз, и даже бабушка, обычно строгая и придирчивая, таяла при виде него, и её морщинистое лицо

озарялось тёплой, беззубой улыбкой. А он, наследник семьи Лу, не имел уже никакого положения. «Когда-то я был надеждой семьи, гордостью рода, а теперь... теперь я просто муж Хэ Яна и папа Сюаньсюаня. И, кажется, меня это вполне устраивает», — подумал он, глядя, как сын счастливо смеётся на руках у бабушки, заливаясь звонким, как колокольчик, смехом, и в груди разливалось странное, горьковато-сладкое тепло.

<http://bllate.org/book/16098/1611489>